

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО
**ХРОНИКИ МАЙОРА
КОРСАКОВА**

ТОМ 2

**КНИГА
ПЕРВАЯ**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОРАБОТАННОЕ АВТОРОМ

Москва, 2017

Тайная полиция современной России

Илья Деревянко

**Хроники майора Корсакова.
Том 2. Книга первая**

«СИЛК-ПРЕСС»

2004-2010

Деревянко И.

Хроники майора Корсакова. Том 2. Книга первая /
И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС», 2004-2010 — (Тайная полиция
современной России)

ISBN 978-5-6040077-3-0

Капитан ФСБ Дмитрий Корсаков – настоящий профессионал. Он в совершенстве владеет рукопашным боем, холодным и огнестрельным оружием. В обычной жизни добродушный парень, в экстремальной ситуации он мгновенно становится идеальной боевой машиной, безжалостной к врагам. И врагов этих великое множество! Но Корсаков с ними не церемонится, и для каждого у него найдется свой метод борьбы... «...Капризная погода выкинула очередной фортель, и если вчера город был засыпан пушистым снегом, то сегодня, в связи с резким потеплением, он утопал в слякоти. Вдоль дороги, на голых, вновь раздетых деревьях расселись мрачные взъерошенные вороны. Из-под колес проезжающих автомобилей в прохожих летели грязные брызги. По улице Даниловская, немного прихрамывая, шагал рослый, широкоплечий мужчина лет тридцати пяти...»

ISBN 978-5-6040077-3-0

© Деревянко И., 2004-2010
© СИЛК-ПРЕСС, 2004-2010

Содержание

Карта смерти	5
Пролог	6
Глава I	8
Глава II	13
Глава III	18
Глава IV	23
Глава V	29
Глава VI	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Илья Деревянко

Хроники майора Корсакова.

Том 2. Книга первая

Карта смерти

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и названия населенных пунктов, улиц, лечебных заведений, банков, фирм и т. д. – вымышлены, любые совпадения случайны!

Пролог

*Г. Н-ск, начало декабря
2004 года. 14 ч 45 мин.*

Капризная погода выкинула очередной фортель, и если вчера город был засыпан пушистым снегом, то сегодня, в связи с резким потеплением, он утопал в слякоти. Вдоль дороги, на голых, вновь раздетых деревьях расселись мрачные взъерошенные вороны. Из-под колес проезжающих автомобилей в прохожих летели грязные брызги. По улице Даниловская, немного прихрамывая, шагал рослый, широкоплечий мужчина лет тридцати пяти. Невзирая на хромоту, двигался он вполне уверенно и никому из посторонних даже в голову не приходило, что вместо правой ноги у него протез. На суровом, твердо очерченном лице мужчины застыло недовольное выражение. На высоком лбу собралась сеть морщин. «Хоть правительство Н-ска позаботилось. И на том спасибо, – думал он. – А федеральное... тьфу! Засранцы! Воевал в Чечне, ногу потерял, а эти сволочи льготы отбирают, заменяя их грошовыми выплатами! А ведь таких, как я, в стране тьма тьмуцкая! Плюс пенсионеры, инвалиды, нищие студенты, люди, работавшие на вредных производствах, и т. д. и т. п. Всех ограбили, твари бессовестные! Только жители Н-ска оказались в привилегированном положении. Дай Бог здоровья нашему градоначальнику!»

Свернув с Даниловской, мужчина миновал небольшой безымянный переулок и поднялся на Казанский мост, сразу за которым находился вход на станцию метро «Центральная». Невзирая на светлое время суток, фонари на мосту почему-то горели на полную мощность. Взглянув на них, безногий ветеран вдруг вспомнил свет юпитеров на телестудии, где побывал позавчера, и зло усмехнулся: «Не повезло со мной киношникам! Всю малину им испортил! Недаром зубами скрипели, неприятностями грозили. Ну да ладно. Собака лает – ветер носит!»

Передача посвящалась десятой годовщине штурма Грозного и называлась «В кровавом поту». Он явился туда в парадной форме офицера ВДВ, с орденами и медалями но, неожиданно для самого себя, начал говорить в камеру совсем не по теме. Вместо рассказа о трагических буднях войны, жестких схватках с мятежниками и грубых просчетах ельцинских военачальников, потрясенные телевизионщики выслушали гневную обличительную речь в адрес современных реформаторов, решивших отнять у людей последнее. В итоге передача сорвалась, поскольку примеру бывшего десантника последовала большая часть других приглашенных. На ведущую жалко было смотреть. А отснятый материал можно смело выбросить на помойку. Такое в эфир не пропустят!..

– Огоньку не найдется? – послышался вкрадчивый голос. Рядом стоял молодой парень с косым шрамом на щеке, с заискивающей улыбочкой на губах и с закрытым, серебристым портсигаром в руке.

– Не курю!

– Жаль, очень жаль! – еще шире улыбнулся парень и нажал на портсигаре замаскированную кнопку. Из открывшейся в корпусе круглой дырочки в лицо мужчине ударила тонкая ядовитая струйка газа. Дыхание у ветерана перехватило, ноги подогнулись, и он неловко упал в ближайшую лужу.

– На помощь! Человеку плохо!!! – закричал отравитель. Спустя несколько секунд пронзительно завизжали тормоза.

– Доставайте носилки, ребята, – скомандовал простуженный бас.

– Надо же, как «Скорая» быстро подроспела! – громко удивился кто-то из прохожих.

– А мы случайно мимо проезжали, – охотно пояснил «простуженный». – Повезло мужику!

«Ловко подловили, гады, – мелькнуло в тускнеющем сознании отравленного. – Ну нет, так просто не возьмете».

Запредельным, нечеловеческим усилием воли он заставил себя подняться на ноги (окужающие изумленно охнули), ударил ребром ладони по горлу мордатого типа в белом халате, пнул ногой в пах «простуженного», сбил подсечкой третьего «медика» и, не разбирая дороги, выбежал на проезжую часть. Прямо навстречу не успевшему затормозить грузовику. От чудовищного удара о капот его тело взмыло высоко в воздух, перелетело через перила и, пробив нетолстый слой льда, ушло с головой в ледяную воду.

– Клиент сдох. Сматываемся! – с трудом разогнувшись, бормотнул «простуженный».

– Х-р-р! – выразил свое согласие получивший по горлу и вскарабкался на водительское сиденье. Остальные сноровисто погрузились в машину через задние двери, и «Скорая», взревев мотором, умчалась в неизвестном направлении...

Глава I

Майор ФСБ Дмитрий Корсаков

Сегодня я спал плохо и проснулся на час раньше обычного: с головной болью, в тоскливом, скверном настроении. Ночь напролет мне снился Коновалов: бледный, измученный, в больничной пижаме. Виктор Иванович пытался сказать что-то очень важное, предупредить о какой-то опасности, но безуспешно! Голос его не слушался. В конце концов ученый не выдержал и заплакал скупыми мужскими слезами. «Очень нехороший сон! Наверное что-то предвещает...», – хмуро подумал я и, вспомнив о действительном состоянии Компьютерщика, насутился еще больше.

Коновалов, к которому за минувший год я успел крепко привязаться, уже более двух суток находился на грани жизни и смерти. Во время последней встречи с Рябовым он выглядел исключительно плохо, но на вопросы полковника о здоровье лишь досадливо отмахивался и от предложения отдохнуть на секретной базе начальника Управления решительно отказался: не до того, дескать, работы невпроворот. А потом... потерял сознание. Спешно вызванный на конспиративную квартиру Ильин констатировал двустороннее воспаление легких и запущенный сахарный диабет, повлекший за собой кому. Сейчас Коновалов лежал в отдельной палате клиники ФСБ, под чужой фамилией, под постоянным присмотром личного врача генерала Маркова и под круглосуточной охраной из наиболее доверенных людей. Его лечили при помощи новейшего медицинского оборудования и самых эффективных, суперсовременных препаратов, но заметных улучшений пока не наблюдалось...

Поднявшись с постели, я в очередной раз позвонил в больницу. «Без изменений», – на вопрос: «Как состояние господина Кравченко?» лаконично ответил дежурящий сегодня капитан Филимонов.

– Ох-хо-хо! – горестно вздохнул я, без энтузиазма проделал обычный комплекс утренних упражнений и поплелся в ванную: бриться, мыться, чистить зубы...

На службу я явился на полчаса раньше положенного времени, хотя и заходил по пути в церковь, заказать сорокоуст «О здравии болящего раба Божия Виктора». Коридоры Конторы были еще пустыми. Тем не менее на двери своего кабинета я обнаружил приколотую кнопкой записку: «Немедленно ко мне!!! Рябов».

«Опять аврал», – поморщился я и, даже не заглянув к себе, отправился в кабинет начальника отдела. Шеф выглядел усталым и не выспавшимся (как пить дать провел ночь на рабочем месте!). Однако губы полковника улыбались, а в глазах светилось нескрываемое торжество.

– Дело «Унесенных ветром» сдвинулось с мертвой точки, – жестом указав на стул, сообщил он. – Появилась первая зацепка и... аж три ценных свидетеля! Но главное, – тут Владимир Анатольевич многозначительно поднял палец, – намеченная жертва на сей раз выскользнула из рук преступников и чудом осталась жива! Пока она (вернее, он) без сознания, в реанимации. Но врачи дают утешительные прогнозы. Уж больно крепкий, живучий мужик оказался! Множественные переломы, ушибы, серьезная травма головы, двадцать минут провел в ледяной воде, а давление практически в норме! Представляешь?!

– Спецназовец?¹ – уточнил я.

– В том-то и дело, что нет! Просто бывший офицер ВДВ.

– Ну и ну! – удивленно присвистнул я. – Неужто нам наконец повезло?!

¹ Обычный человек может прожить в ледяной воде максимум четыре минуты. Однако наши спецназовцы, подготовленные по одной из особо засекреченных методик, способны жить и действовать в такой воде полчаса. Без каких-либо средств защиты. (Здесь и далее примечания автора)

Оперативно-розыскное дело под кодовым названием «Унесенные ветром» представляло собой поиск причины целой серии бесследных исчезновений людей разного возраста и профессий, абсолютно не связанных друг с другом. Объединяли их только две вещи: 1. Все они были граждане на редкость добропорядочные: не алкоголики, не наркоманы, не имеющие ни малейшей связи с криминальным миром. 2. Все исчезли среди бела дня (или в светлое время суток). Вышли на улицу по какой-либо надобности и обратно не вернулись. Поначалу ими (долго, вяло, безуспешно) занималась милиция. Но когда список без вести пропавших пополнили два высокопоставленных офицера Генерального штаба – дело передали в ФСБ и поручили персонально полковнику Рябову, по выражению генерала Маркова – «талантливейшему розыскнику». Но ни сам «талантливейший», ни его подчиненные не пришли в восторг от подобного подарка и мысленно костерили генерала на чем свет стоит. Ведь помимо прежних обязанностей (которые, кстати, никто не отменял), нам повесили на шею новую, ощутимо пахнущую висяком и ничего, кроме головной боли, не сулящую.

Судите сами. Без малого месяц несколько матерых оперативников ФСБ ногами землю рыли. Опросили сотни людей, одновременно отрабатывали с десятков вариантов, но не нащупали ни единой ниточки и не сумели подтвердить (хотя бы косвенно!) ни одну из рабочих версий... Козни иностранных разведок?! (Это по поводу генштабистов.) Но зачем им, шпионам злобным, некая бабуля Жанна Николаевна, всю жизнь проработавшая учителем начальных классов средней школы?.. Подпольные торговцы человеческими трансплантатами?! А чего ценного, с их точки зрения, они найдут в организме Аркадия Владимировича Кондратова, угробившего здоровье на химическом производстве?.. Похищение с целью выкупа?! Но что можно взять с нищих студентов малопрестижных вузов и техникумов (с таких, как Степан Невольяйко, Ирина Петровская, Максим Изотов и других, им подобных)?.. Новая сатанинская секта?! Уж слишком большой масштаб. За год в городе пропало более тысячи человек! К тому же эти уроды сплошь и рядом оставляют за собой плохо спрятанные трупы, с характерными следами ритуальных пыток...

Точно так же не выдерживали критики версии о черных риэлторах, торговцах живым товаром и т. д. и т. п. Вместе с тем Марков и Рябов за всеми похищениями чуяли, профессиональным нюхом, чью-то одну координирующую «руку». Вот этот невидимый, недостижимый организатор, преследующий непонятные цели, и тревожил начальство больше всего!!! Буквально до бешенства доводил. А отыгрывалось оно, как водится, на подчиненных. Ребята, занятые в расследовании, ежедневно получали суровые нагоняи «за нерадивость». По счастью, вашего покорного слугу миновала чаша сия. По распоряжению Рябова я, вплоть до вчерашнего вечера, лично контролировал последствия операции «Кровная месть». А там все было тип-топ! Рашидовы с Халиловыми, позабыв о «русских оккупантах», вдохновенно мочили Аюбовых и те, естественно, не оставались в долгу. Постепенно в междоусобицу втягивались родственные им тейпы (Ахметовы, Бекаевы, Беноевы с одной стороны – Салаутдиновы, Мусаевы, Набиевы с другой). В итоге ряды «непримиримой оппозиции» таяли день ото дня. Непосредственное руководство мятежников, так называемый ГКО² Маджлисуль Шура, метал громы и молнии, однако не мог остановить вошедших во вкус кровников. А я (оперируя ежедневными сводками ОГВ(С)³ и донесениями агентуры) лишь суммировал общие потери враждующих сторон и с гордым видом преподносил начальнику отдела. Вот, мол, шеф! Еще двадцатью супостатами меньше стало! Всего-то за два дня! Неплохо мы с Вами поработали!.. Жаль, но моей синекуре, очевидно, пришел конец. Судя по всему, меня вплотную подключат к «Унесенным ветром». Хорошо, по словам полковника, зацепка реальная появилась...

² Государственный комитет обороны.

³ Объединенная группировка войск на Северном Кавказе.

«Взгляни на свидетелей», – предложил между тем Рябов, щелкнув «лентяйкой». На экране видео двойки появилось трое: седой пенсионер, мужчина лет тридцати и миловидная юная блондинка. Они сидели в креслах за столом и довольно непринужденно отвечали на вопросы оставшегося за кадром шефа. (Съемка, разумеется, производилась скрытой камерой.)

В Конторе вообще не любят допрашивать под протокол. Поскольку давно установлено: казенно-протокольная атмосфера смущает, напрягает человека, а обстановка «дружеской беседы», напротив, – расслабляет, успокаивает. Люди ведут себя более свободно. (Даже если догадываются, что их «пишут».) И от такого вида допроса гораздо больше пользы. Особенно если проводит его опытный психоаналитик, вроде полковника Рябова. Для наглядности приведу начало их беседы, обозначив свидетелей условно «Пенсионер», «Тридцатилетний» и «Блондинка».

Рябов (радушным тоном). Располагайтесь, чувствуйте себя как дома. Хотите курить – не стесняйтесь! А может, чайку?

«Тридцатилетний» и «Блондинка» (вразнобой). Нет... Не надо... Спасибо... Не стоит... «Пенсионер». С удовольствием!

Рябов (заботливо). Какой именно Вы предпочитаете?

«Пенсионер» (подумав). Зеленый, китайский, без сахара!

Рябов (секретарше). Клава, организуй быстренько!

«Пенсионер». Благодарю! Вы очень учтивы, совсем не похожи на гэбэшника. Но это, согласитесь, немногостораживает!

Рябов (с хорошо разыгранным удивлением). Почему?!

«Пенсионер» (мнется). Кхе, гм... ну-у... так сказать...

Рябов (задушевно). Понимаю. Старые стереотипы, а также негативная информация, полученная, из, мягко говоря, недобросовестной прессы. Вы подозреваете, что перед Вами эдакий «злой гэбэшник», прямой потомок Ягоды, Берии и Ежова одновременно... (тут «Блондинка» тихонько хихикнула в кулачок. Оценила юмор)... который собирается коварно усыпить Вашу бдительность и подстроить Вам крупную пакость. Правильно?

«Пенсионер» неуверенно кивает.

Рябов (еще задушевнее). Поверьте, уважаемый Валерий Иванович, Вы глубоко заблуждаетесь! Вы же не враг, не наркобарон, не похититель людей. Зачем нам играть в кошки-мышки?! Я с Вами абсолютно откровенен и...

«Тридцатилетний» (внезапно перебивает). А того мужика на мосту точно собирались похитить! К сожалению, я понял это слишком поздно. А то бы обязательно вмешался!

Рябов (вежливо). Поясните, пожалуйста.

«Тридцатилетний» (взволнованно). Понимаете... на некоторые нюансы я сперва не обратил внимания. Однако потом, когда он вырвался из рук «медиков» и бросился под машину, я мысленно сопоставил факты, понял причину но... (смущенно замолкает).

Рябов (заканчивает фразу)...они успели скрыться.

«Тридцатилетний» (еле слышно). Да, правильно.

Рябов (ободряюще). Не расстраивайтесь! Вашей вины здесь нет. На Вашем месте любой бы растерялся. Ситуация чересчур неординарная. «Скорая» спешит на помощь к больному, а он, оказывается, вовсе не больной, а...

«Тридцатилетний» (чуть ли не выкрикивает). Отравленный!

Рябов (вполне искренне). Что-о-о?!!

«Тридцатилетний». Да! Отравленный! Помните, я говорил о нюансах, на которые сперва не обратил внимания? Так вот – сначала тот мужик был совершенно здоров. То есть на сто процентов. Хоть дрова на нем вези! Шел себе, да в ус не дул. Бодренько так! Но потом к нему приблизился молодой парень с серебристой коробочкой в руке, и мужик почти сразу

упал. А гаденыш как заорет: «На помощь, человеку плохо!», и «Скорая» тут как тут. Словно поджидала за углом. Из нее выпрыгнули три наглые морды, больше похожие на палачей, чем на медиков. Один, видимо, старший, одобрительно кивнул парню, дескать – молодец, хорошо сработал. Они явно были заодно!!! Да, коробочка! В ней, полагаю, находился замаскированный баллончик с нервно-паралитическим газом или чем-то похожим...

Рябов. Вы можете описать внешность преступников?

«Тридцатилетний». Могу даже нарисовать. Я же художник по профессии.

Рябов (восхищенно). О-о-о-о!!!

«Пенсионер» (спохватившись). А я запомнил номер «Скорой помощи»!

«Блондинка». А я одежду и обувь преступников!..

Далее, пока художник рисовал, они оба, без понуканий и наводящих вопросов выложили массу интересных подробностей. Блондинка, в частности, припомнила платиновый браслет с бриллиантами на руке водителя (тысяч за двадцать долларов!). А пенсионер – оттенки голосов похитителей и последнюю фразу «простуженного» главаря: «Клиент сдох. Сматываемся!»

– Действительно, ценные свидетели, – просмотрев запись до конца, сказал я. – Ловко Вы их раскрутили!

– Ты на портреты взгляни, – посоветовал шеф. – Это тебе не дурацкие фотороботы! У Макарова феноменальная память на лица.

Рябов выложил на стол четыре мастерски выполненных рисунка. Преступники были изображены в полный рост и одеты согласно показаниям «Блондинки». На запястье у одного красовался платиновый браслет с бриллиантами. Немыслимая роскошь для рядового работника нашей медицины!

– По базе данных «пробили»? – отпечатав в памяти физиономии похитителей, поинтересовался я.

Полковник молча кивнул.

– Результаты есть?!

– И да и нет, – заметно поскущнел начальник отдела. – С одной стороны, они там зафиксированы. «Простуженный» в прошлом мент, «со шрамом на щеке» – младший лейтенант ОМОНа, уволенный по дискредитации. Оставшиеся двое проходили по делам, связанным с распространением наркотиков, но сроки не получили. Отделались условным наказанием. Но с другой стороны – все четверо умерли год назад!

– А-а-а?! – вытаращился я.

– Именно так, – хмуро подтвердил Рябов. – В базе данных указаны причины смерти и места захоронения. Приведены копии соответствующих документов. «Простуженный» и со «шрамом» погибли в автокатастрофах, тип с браслетом – утонул, а четвертый – загнулся от передозировки героина. Между прочим, шрам у экс-омоновца появился уже «после смерти». На «прижизненных» фотографиях он отсутствует. На, полюбуйся, – шеф протянул тонкую пачку листов распечатки из базы данных.

– Зомби, блин! – фыркнул я.

– Ребята осмотрели могилки, – не слушая меня, продолжал полковник. – Все чин чинарем. Надгробные плиты, имена, фамилии, даты рождения и «смерти», скорбные надписи... Правда, эксгумацию провести невозможно. Тела кремированы! Номер «Скорой» тоже ничего не дал. Липа! В природе не существует...

– Адреса, родственников проверили? – ознакомившись с распечаткой, спросил я.

– Пока не успели. Сегодня займемся. Но, думаю, проку будет мало. Их главари явно не лыком шиты. Работают как минимум год, а допустили лишь один прокол. Да и то не по собственной вине, а скорее благодаря случайности!

– Вы насчет того, на редкость живучего мужчины? – уточнил я.

– Верно, – подтвердил шеф.

– И кто он?

– Гаврилов Сергей Афанасьевич, семидесятого года рождения, участник первой РЧВ, кавалер ордена Мужества и других правительственных наград, старший лейтенант ВДВ в отставке, инвалид. В конце войны потерял правую ногу и...

Закончить шеф не успел, прерванный звонкой трелью городского телефона.

– Слушаю! – бросил он в трубку. – Да... Неужели?! А говорить в состоянии?! Прекрасно, высылаю к вам нашего сотрудника!.. Отправляйся в шестую городскую больницу, – повесив трубку, приказал мне Рябов. – Потерпевший Гаврилов пришел в сознание. Предъяви ему для опознания физиономии наших «зомби». Аккуратно расспроси о... Впрочем, тебя учить – только портить. Действуй, майор!..

Глава II

Для поездки полковник выделил мне служебную «Волгу» с прапорщиком-водителем и на прощанье силком заставил надеть под пальто титановый бронежилет четвертого уровня защиты⁴.

– Молод еще, со мной спорить! – когда я попробовал возражать, рывкнул он и ехидно передразнил: – «Не на боевую операцию отправляюсь, а побеседовать с полуживым человеком, лежащим в реанимации. Стрельба там не предвидится...» Ага! Ты у нас ясновидящий, что ли? Нет?! Тогда помалкивай в тряпочку. И не перечь старшему по званию!

Скрепя сердце я подчинился и всю дорогу мысленно негодовал на самодурство шефа. «Поиздеваться решил, зараза! Власть свою продемонстрировать, – сварливо думал я. – Специально упаковал меня в эту дрянь, дабы служба медом не казалась («броник» нещадно парил и сковывал движения). – Ну, ничего, Владимир Анатольевич. Ничего! Настанет время, и отольются кошке мышьи слезы! Вот отправит Вас куда-нибудь генерал Марков и тоже в припадке маразма заставит вырядиться «черепахой». Посмотрим, как Вы запоете!!!»...

Добираться пришлось долго, не менее полутора часов. Шестая городская больница находилась довольно далеко от Конторы. К тому же мы пару раз застревали в пробках. Наконец «Волга» заехала в раздвижные ворота больничного комплекса (водитель предварительно посигналил, а я показал через стекло «корочку») и припарковалась на импровизированной автостоянке, неподалеку от приемного покоя. Велев прапорщику оставаться в машине, я выбрался наружу, вытер рукавом мокрое от пота лицо (проклятый «броник»!) и осмотрелся по сторонам. Белые, недавно отремонтированные здания утопали в хвойной зелени. У брошенной кем-то горбушки хлеба с писком дрались воробьи. За ними без интереса наблюдал огромный жирный кот. (Надо думать, зажавшийся при кухне.) К многоэтажному главному корпусу (где располагалось реанимационное отделение) вела хорошо расчищенная асфальтовая дорожка. Зайдя в корпус со служебного входа, я поднялся на второй этаж и... обомлел! Двери в отделение были распахнуты. На пороге, в луже крови, скорчилось тело молодого милиционера и вяло подергивало ногами. Рядом валялся его автомат. Быстро наклонившись, я нащупал у парня сонную артерию. Пульс отсутствовал, однако агония еще не закончилась. Значит, преступники опередили меня совсем чуть-чуть, на минуту-другую. И, как пить дать, они до сих пор там! Вытащив пистолет и дослав патрон в патронник, я на цыпочках двинулся внутрь. В отделении было скверно. Свежий запах пороховой гари, на стенах выщербины от пуль. Повсюду кровь и тела в медицинских халатах: мужчины и женщины, молодые и в годах. Все с однотипными ранениями в области груди и живота. Очевидно, их расстреляли почти в упор, несколькими длинными очередями. И, конечно же, из бесшумного оружия. Иначе бы в больнице уже начался переполох. Я прислушался. Ни звука, ни шороха! Очень странно!!! Или убийцы успели выпрыгнуть в окна (высота-то небольшая), или... затаились. Ладно, скоро узнаем! В ближайшей от входа палате лежал под капельницей забинтованный и загипсованный голый человек. На линолеуме возле койки валялась сброшенная простыня. Правая нога у него отсутствовала, а из перерезанного горла, булькая, вытекала кровь.

«Гаврилов! – промелькнуло в голове. – Все-таки достали беднягу!» Я настороженно огляделся. Больше в палате никого не было, но я кожей ощущал чье-то постороннее враждебное присутствие. Ага, штора на окне шевельнулась. Получай, сволочь!!! Со слабым хлопком мой «ПСС» выплюнул пулю. Оборвав штору, в палату вывалился низкорослый тип в белом халате

⁴ Штука тяжелая и не слишком удобная для ношения. Зато такой бронежилет надежно «держит» пули любого короткоствольного оружия, включая «ТТ» и «парабеллум».

и со «стечкиным»⁵ в руке, засевший, видимо, на широком подоконнике. Попался, который кусался! Ар-кх-х-х... В мою грудь ударила многотонная невидимая кувалда, и я тяжело упал на спину. Но не умер и не потерял сознания. Титановая пластина сдержала смертоносный кусок свинца. «Ох, спасибо полковнику!!!» Из-за сложенной ширмы в углу (которой я поначалу не придавал особого значения) поднялся второй убийца, тоже в белом халате, тоже со «стечкиным».

И вразвалочку двинулся ко мне, намереваясь произвести контрольный выстрел в голову. Его рожа показалась мне знакомой. Я поднапряг память. Косой шрам на щеке, низкий лоб, тонкие губы, острые скулы, вздернутый нос, волосатая родинка на подбородке... Ага! Бабенко Виталий Николаевич! Бывший омовонец, «погибший» год назад в автокатастрофе, «похороненный» на В...м кладбище и вчера днем брызнувший в лицо Гаврилову ядовитым газом. «Ну, здравствуй, зомби наш ненаглядный. Ты-то мне и нужен. Желательно живьем!» Когда Бабенко приблизился на достаточное расстояние, я круговым ударом ноги выбил у него пистолет, ножницами подсечкой повалил на пол и, задышав от боли в груди, попытался оседлать и слегка придушить. Но не тут-то было! Вывернувшись со змеиной ловкостью, он двинул мне кулаком в челюсть, вскочил на ноги и стремглав бросился к ближайшему окну. Еще секунда и... «П-ф-ф!» – сработал «ПСС». Бабенко дернулся, споткнулся и рухнул как подкошенный. На спине, под левой лопаткой, начало набухать кровавое пятно.

– «Елки-моталки!» – досадливо ругнулся я, с кряхтением поднялся, подошел к «низкорослому» (подававшему слабые признаки жизни), отпихнул подальше «стечкин» и осторожно перевернул убийцу на спину. Е-мое!!! Опять «знакомый»!!! Толстощекий, с лохматыми бровями, поросычкими глазками, носом-пяточком, косо «срезанным» подбородком и... платиновым браслетом на правой руке! Порожняк Владимир Васильевич, 1966 года рождения, в декабре 2003-го «провалившийся под лед» на Лобачевском водохранилище, а вчера чудесным образом «воскресший» в качестве водителя фальшивой «Скорой». Впрочем, «воскрес» он ненадолго. Пуля из моего «ПСС» разворотила ему брюшную полость, буквально вывернув наружу потроха. Лицо Порожняка покрыла восковая бледность, на губах скопилась кровавая пена, зрачки глаз были сильно расширены. Верный признак надвигающейся смерти! «Тебя, Корсаков, безнадежно испортили смежники! – прогремел в мозгу гневный голос Рябова. – Сперва замочишь, а потом смотришь, кто там, собственно, подвернулся?! Переучивали тебя, переучивали, да без толку. Горбатого могила исправит!» Виртуальный полковник был прав. Дело в том, что срочную воинскую службу я проходил в подразделении спецназа ГРУ, в период первой чеченской кампании. На войну попал прямо из учебки (в аккурат к началу штурма Грозного), а дембельнулся уже после злополучного Хасавюрта, несколько позже положенного срока. Готовили нас прекрасно, спора нет. Кроме того, я приобрел солидный боевой опыт, но... вместе с ним и ту самую привычку, о которой напомнил шеф. Спецназ ГРУ – это прежде всего диверсанты, нацеленные на быстрое и эффективное уничтожение противника. Да, они умеют неслышно подкрасться и взять «языка», но при скоротечном огневом контакте (или в иной экстремальной ситуации) «работают» только на поражение, руководствуясь принципом «хороший враг – мертвый враг». Потом, на офицерских курсах ФСБ, инструкторы упорно внушали другой постулат: «Стреляй исключительно по конечностям! Врага нужно захватить живым и вдумчиво допросить, а уж опосля...» Нельзя сказать, что их усилия пропали даром. С тех пор я прилежно стараюсь «брать живьем», однако не всегда получается. В обстановке жесткого стресса (который я испытал, зайдя в заваленную трупами реанимацию) во мне просыпаются старые инстинкты диверсанта и, чтобы попасть в плен, враг должен как минимум встать на колени, задрать руки до потолка! А не бить меня по челюсти и не пытаться сигануть в окно, как покойный Бабенко...

⁵ Двадцатизарядный пистолет-пулемет. Калибр – 9 мм, прицельная дальность – 200 метров. Имеет глушитель. Способен вести как одиночный огонь, так и очередями.

Итак, Порожняк умирал, дергаясь в конвульсиях. Но, как ни странно, он сохранял сознание и по моим прикидкам мог бы прожить еще минут десять. (Если вкатить ему обезболивающее.) По счастью, в кармане моего пальто случайно завалился шприц-тюбик с промедолом. (На поиски чего-нибудь похожего в обезлюдевшей реанимации просто не оставалось времени.) Недолго думая, я включил диктофон, сделал укол в плечо «водителя» и, глядя ему в глаза, уверенно произнес:

– Ты будешь жить, Володя! Ты не умрешь. Я вызвал врача, взамен тех, которых вы убили, и он тебя обязательно вылечит! Но ты за это должен оказать нам одну услугу.

– Какую? – прошептал умирающий.

– Правдиво ответить на несколько вопросов! Первое, зачем вы пытались похитить Гаврилова?

– Куратор приказал Андрюхе... старшему группы (это он про «простуженного»).

– Как зовут Куратора?

– Эд-дуард С-семенович.

– Фамилия?!

– Не знаю.

– Ты его видел когда-нибудь?!

– Нет-т.

– На кого работает Эдуард Семенович?!

– На С-синдикат.

– Чем конкретно занимается Синдикат?!

– Н-не знаю. Мы п-просто охотники. Л-ловим нужных людей... получаем д-деньги...

– Куда отвозите пойманных?!

– П-продсклад на улице Алябьева... – Голос Порожняка становился все тише и тише. Конвульсии заметно усилились. Похоже, «Костлявая» приблизилась совсем вплотную.

– По какому принципу ловят людей?! – я с трудом подавил отчаянную интонацию. – Берете первых попавшихся или знаете, кого хватать?!

– Нет, не первых... заранее знаем... У них у всех карта смерти...

– Что-о? – опешил я. – Какая еще карта?! Поясни!!!

Однако Порожняк ничего пояснять не стал. В глазах у него отразился животный ужас, и он дико уставился в пустой угол комнаты.

– Ты... обманул меня... Обманул! – заскулил убийца. – Это... не врач! Черный, с рогами, из стены вылез!.. Помогите! Ай, не на... – тут голос Порожняка прервался, тело мощно содрогнулось и обмякло. Я механически проверил пульс. Охотник за людьми был мертв. Потухшие глаза выпучились в направлении того самого угла, а поросычья физиономия застыла в гримасе запредельного страха.

«Не иначе бесы за душой явились!» – глядя на мертвеца, зябко поежился я и торопливо перекрестился. Под окном на улице вдруг протяжно и тоскливо завyla какая-то собака. Усилием воли уняв неожиданно возникшую дрожь в пальцах, я достал мобильный телефон и позвонил в Контору...

* * *

Оперативно-следственная группа под руководством Николая Бугаева примчалась как по воздуху. Двадцати минут не прошло! (Вероятно, они разогнали сиренами весь транспорт на улицах.) Прибывший вместе с группой судмедэксперт Ильин без лишних слов проверил мою грудь, констатировал обычный, хотя и сильный ушиб и деловито занялся осмотром трупов. Поручив трем оперативникам исследовать место происшествия, Бугаев отправил остальных на проходную, в приемный покой и во двор, а сам затащил меня в чей-то пустующий кабинет

на третьем этаже и потребовал объяснений. К моему великому удивлению, заместитель шефа не стал брюзжать по поводу гибели обоих преступников (лишь укоризненно покачал головой). Три раза подряд прослушал запись предсмертных откровений Порожняка и надолго задумался, а я устало опустился в старенькое кресло у окна и, стараясь не делать глубоких затяжек, закурил сигарету. Медленно тянулись минуты. Из-за тонкой фанерной двери не доносилось ни звука. (В больнице уже знали о произошедшем, и во всех корпусах, особенно в главном, воцарилась испуганная тишина.) На высоком лбу Николая собралась густая сеть морщин. Крепкие пальцы нервно теребили отворот пиджака.

– Занятная картина получается, – спустя долгий промежуток времени, сказал он. – Некий Синдикат похищает людей, для неизвестных целей и в огромных количествах. Организация глубоко законспирирована. Рядовым исполнителям неизвестна дальнейшая участь тех, кого они схватили. Просто отвозят людей в обусловленное место, да получают деньги. Кстати, нужно срочно послать ребят на указанный Порожняком продсклад! – майор позвонил в Контору, переговорил с Рябовым, положил мобильник обратно в карман и продолжил невеселым тоном: – Судя по всему, у Синдиката сложная, хорошо отлаженная иерархия. Каждая группа «охотников» связана только со своим куратором, с которым непосредственно общается старший группы. (В нашем случае – бывший мент Шутов.) Изловить Шутова непросто! Ведь он официально числится мертвым и живет по новым документам. Как пить дать, превосходного качества! Объявить в розыск?! Развесить повсюду фотографии?! Но тогда его мгновенно ликвидировать! Ну ладно, допустим вычислили, взяли живым, раскололи, вышли на куратора. Но он отнюдь не главный босс, а обычное звено в длинной цепи и, боюсь, к нашему приезду будет холодным трупом. Как мы убедились, Синдикат весьма оперативно избавляется от свидетелей и имеет отлично организованную разведслужбу. Суди сам, о местонахождении Гаврилова они узнали с поразительной быстротой...

– А также о том, что бедняга сумел выжить вопреки всему, – вставил я, вспомнив последнюю фразу «простуженного» на мосту: «Клиент сдох. Сматываемся!»

– Критерии выбора жертв совершенно непонятны, – с тяжелым вздохом продолжал Бугаев. – Не знаем даже, откуда зацепиться! Какого рода преступников мы ищем!!!

– Ошибаешься, Николай, – живо возразил я. (С тридцатипятилетним замом шефа, так же как с его предшественником Жуковым, мы были на «ты».).

– Маленькая зацепочка у нас все-таки есть! Порожняк перед смертью упомянул о каких-то «картах смерти». Они, полагаю, и являются ключом к разгадке!

– Ага, пиковые тузы из «Клуба самоубийц», как в фильме о принце Флоризеле! – саркастически усмехнулся Бугаев. – Неужто ты всерьез воспринял бред умирающего?! Не стыдно, Дима?! Ты же грамотный оперативник!

– Тогда считай бредом и его слова о Синдикате! – огрызнулся я. – Им ты почему-то поверил безоговорочно. Не стыдно, Коля?! Ты же заместитель шефа!

Заместитель обиженно насупился, но ответить должным образом не успел. В дверь деликатно постучали.

– Войдите! – разрешил Бугаев. На пороге появился старший лейтенант Максим Казанцев, а с ним девчонка лет восемнадцати: с зелеными глазами, с покрашенными в немыслимый цвет волосами и с прической «я у мамы вместо швабры». «Совсем сдурела городская молодежь, – вспомнив деревенскую красавицу Олю (См. «Тихая гавань».), с неудовольствием подумал я. – Уродуют себя – не приведи Господи! Впрочем, дуракам закон не писан. Хочешь ходить чучелом – ходи!»

– Лена Скворцова, из приемного покоя, – представил «чучело» Казанцев. – У нее есть некоторая информация, касающаяся Гаврилова.

– Присаживайтесь, девушка! Не волнуйтесь! – щелкнув кнопкой диктофона, джентльменски засуетился Николай. – Я вас прекрасно понимаю и искренне сочувствую. Такое юное

невинное создание, и вдруг столкнуться со столь чудовищной трагедией! Кошмар, просто кошмар! Я бы с удовольствием угостил вас холодным лимонадом, но, к сожалению...

– К черту лимонад! – сипловато перебило «юное создание». – Мне бы водочки, нервы поправить, или пива, на худой конец! Ю андестенд ми?

– А-ап! – подавился воздухом майор, потрясенно глядя на девушку. – В-водочки?! Мы... э-э-э...

«Хреновый ты психолог, Коля! – мысленно усмехнулся я. – Перед тобой «круто продвинутая герла», а ты ей лимонад предложил. Можно сказать – в душу плюнул! И теперь она над тобой откровенно издевается».

– Максим, сгоняй на второй этаж, – вслух обратился я к старлею. – Попроси у нашего судмедэксперта отлить стакан спирта из той бадьи, куда он складывает внутренности мертвецов для дальнейшего изучения. А что касается закуски – я видел в руке одного жмурика недоенный «сникерс». Он, правда, кровью забрызган, но на безрыбье...

– Ве-э-э-э!!! – страшно побледневшая «герла» бросилась к стоящей в углу урне. – Вр-э-х-эхр-р-р-р!!! Во-у-у-у!!!

– Лихо ты ее обломал! – шепнул мне на ухо опомнившийся Бугаев. – Жуткую «батьку» сходу придумал. Молодец! Но... с другой стороны... нам позарез нужны подробные показания девчонки. Как бы не обиделась, не замкнулась!

– Ни фиги с ней не сделается, – также шепотом ответил я. – Сейчас выблует всю дурь и начнет давать показания. Только по-нормальному, без понтов! Спорим на сто баксов?

– Ну тебя в баню, – отстранился Николай. – Без штанов оставишь!..

По прошествии пяти минут Скворцова успокоилась, вытерла лицо подолом халата, попила воды из любезно протянутого Казанцевым графина, присела на стол, глубоко вздохнула, извинилась нежным голоском пай-девочки и начала активно «колоться». Без всякого на то принуждения...

Глава III

Студентка второго курса заочного юрфака Елена Скворцова работала в приемном покое больничного комплекса сутки через двое.

Вчера, около пяти вечера, в приемный покой позвонил приятный баритон, представился сослуживцем Гаврилова по Чечне и очень вежливо спросил о состоянии здоровья «боевого брата», привезенного в больницу 20 минут назад с тяжелейшими травмами.

– Врачи борются за его жизнь, но пока ничего сказать с уверенностью нельзя. Позвоните утром! – наведя справки, сказала девушка. (Вежливый «сослуживец» ей заочно весьма понравился.)

– Огромное спасибо! – задушевно поблагодарил «баритон» и перезвонил на следующий день. Ровно в 9.00.

– Гаврилов будет жить! – радостно сообщила Лена. – Более того, к нему вернулось сознание. Скоро вы сможете обнять боевого брата!!!

– А вы случайно не ошиблись?! Не перепутали с однофамильцем?! – усомнился «сослуживец». – Пострадал-то мой друг капитально!

– Да нет же, нет! – весело рассмеялась Скворцова. – Смотрите сами: Гаврилов Сергей Афанасьевич, 1970 года рождения, коренной житель Н-ска, старший лейтенант ВДВ в отставке, потерял на войне правую ногу...

– Да, это он, – задумчиво протянул голос на противоположном конце линии и вдруг спросил: – А где именно находится реанимационное отделение?

– Главный корпус, второй этаж, – бесхитростно ответила девушка и, спохватившись, предупредила: – Но вы не сможете навестить пациента там! Посторонних в реанимацию не пускают. Даже близких родственников!

– Я просто хочу отблагодарить врачей и медсестер! – заверил ее собеседник.

– Тогда зайдите со служебного хода и, через дежурного милиционера, вызовите заведующего, – посоветовала Лена.

– С чего там вдруг милиционер?! – удивился «баритон».

– Специально ради вашего друга поставили. Кто-то вроде бы пытался его убить!

– Спасибо, я это учту, – странновато хмыкнул «сослуживец» и дал отбой...

– Я же, дура, не знала, КАК он «отблагодарит», и не придавала значения последним словам!!! – в завершение добавила девушка и горько заплакала, размазывая по лицу косметику.

Мы с Николаем переглянулись. Оперативность действий Синдиката превосходила все мыслимые ожидания! По имеющимся у нас сведениям, Гаврилова доставили в больницу в критическом состоянии в 16.40 и сразу поместили в реанимацию. А двадцать минут спустя позвонил «боевой брат», точно знавший, куда и во сколько привезли бывшего десантника.

– Проводи барышню, Максим, – велел Бугаев Казанцеву и, когда они вышли, сумрачно поинтересовался: – Твое мнение, Дмитрий?!

– Похоже на радиомаяк, активный или пассивный⁶, – пожал плечами я. – Хотя нет. «Пассивный» чересчур дорогое удовольствие! Особенно, если учесть масштабы деятельности Синдиката. Как ты помнишь, за год в Н-ске пропало более тысячи человек. Эдак в трубу вылететь

⁶ «Пассивный» радиомаяк представляет собой небольшую пластину, похожую на пуговицу, и действует по принципу отражателя. Когда в него направляют сигнал определенной частоты, он отражает этот сигнал на приемник. Плюсом «пассивного» маяка является то, что его нельзя обнаружить никакими детекторами. Минусом – высокая дороговизна и сравнительно небольшой радиус действия (около полутора километров). К каждому такому «маяку» идет в комплекте индивидуальное приемо-передающее устройство.

недолго! Активный многократно дешевле, в принципе может использоваться, но в любом случае... каким образом они «омаячили» столько народа?! Ума не приложу!

Знаешь Николай, по-моему, «карта смерти» хоть и напоминает радиомаяк, но представляет собой нечто иное, более хитрое и... опасное! Только не пойму, что именно!

– Брось ты об этих мифических «картах», – поморщился заместитель шефа. – Пряма заиклился! Зато «маяк» – толковая идея! Признаться, она мне самому приходила в голову. Теперь же, после твоих слов, я уверен на сто процентов! Вот увидишь – сейчас мы отыщем чертов «маячок»! А как его подсунули... Гм! Разберемся со временем. Главное, ниточку ухватить!

Бугаев включил рацию, вызвал Пятого и властно распорядился:

– Живо принеси личные вещи Гаврилова. Я в тридцатом кабинете, на третьем этаже... Да, протез тоже не забудь!..

* * *

Тщательнейший осмотр вещей бывшего десантника не дал никаких результатов. Мы ощупали каждый сантиметр одежды. Распилили пуговицы, вскрыли наручные часы, раскурочили протез, отодрали каблуки у обуви, но «маяк» так и не нашли: ни «активный», ни «пассивный». Майор Бугаев выглядел обозленно и растерянно.

– Ты точно ничего не забыл?! – недоверчиво шурясь, спросил он Пятого. (В миру – Лешу Шульгина, высокого двадцатидвухлетнего парня.)

– Никак нет! – обиженно взмахнул тот пушистыми ресницами. – Все здесь. До последней булавки!

– А документы? – встрял я.

– Они до сих пор в приемном покое. Принести?

– Не надо! – вздохнул Бугаев. – Я видел их. Подпорченный водой паспорт да карточка льготника. Самые что ни на есть обыкновенные... Н-да, «весело»!.. Слушай, а может, микрочип под кожей? – вспомнив страшную заваруху летом сего года (См. «Технология зла»), неуверенно предположил он.

– Вряд ли, – покачал головой я. – Человек с вживленным микрочипом превращается в зомби. Его не надо похищать. Подгоняемый электронными импульсами, он сам отправится туда, куда прикажет Управляющий компьютер. Даже в кремационную печь живьем ползет!..

– Так-то оно так, – снова вздохнул Николай, – и тем не менее нужно убедиться...

Мы вместе спустились в реанимационное отделение. Мертвых оттуда уже убрали. На полу остались лишь не замытая кровь да очерченные мелом контуры убитых. Возле двери стоял пластиковый пакет с одеждой и обувью убийц. Поверх него лежало оружие – два «стечкина» и десантный нож. Каждый предмет был отдельно упакован в прозрачный полиэтиленовый пакетик.

– У Порожняка изъяли. Из крепления на ноге, – указав глазами на нож, пояснил один из оперативников.

– Трупы в наш морг увезли? – спросил я.

– Преступников – да. А остальных в больничный...

– А почему оружие с вещами оставили?

– Так судмедэксперт еще здесь, – давая зевок, сказал оперативник. – Говорит, что сам заберет, когда осмотрит мужика с перерезанным горлом.

– Идем к нему, – дернул меня за рукав Бугаев. – Видать, Кирилл Альбертович тоже заподозрил чип в теле!..

Больничный морг располагался в дальнем левом углу территории комплекса и представлял собой приземистое серенькое здание с замазанными белой краской окнами. В связи с

недавней бойней он был переполнен (В реанимации погибли четыре врача, семь медсестер и восемь пациентов. Всего, включая милиционера, двадцать человек.) Тела убитых лежали в ближайшем от входа помещении, на металлических каталках. Возле них угрюмо слонялся местный патологоанатом – грузный мужчина с красным лицом, – но не предпринимал никаких действий и регулярно прикладывался к плоской фляге с завинчивающейся крышкой.

– Спирт, – потянув носом воздух, уверенно определил Бугаев. – Не разбавленный! Тяжко мужику. Собственных друзей потрошить придется!

Ильина мы обнаружили в подвальном этаже, в примыкающем к «холодильнику» зале. Кирилл Альбертович был облачен в несвежий белый халат и прорезиненный фартук, обильно забрызганный кровью.

Он задумчиво курил сигарету, а позади него, на оцинкованном столе, виднелись вскрытые останки Гаврилова.

– Чип искали, Кирилл Альбертович? – вежливо осведомился Николай.

Судмедэксперт промолчал, пуская дым кольцами.

– Так что вы искали?! – не отставал заместитель.

– Хотел установить причину невероятной живучести покойного, – мрачно проворчал Ильин. – Думал, она как-то связана с попыткой его похищения.

– Ну и?! – заинтересовался я.

– Ну и ничего особенного, – раздраженно фыркнул старик. – В смысле, ничего из ряда вон выходящего! Обыкновенный человек – очень крепкий, здоровый, но... обыкновенный. Как он сумел выжить вчера, абсолютно не пойму! Да, кстати, чипов в нем нет. Я проверил ради профилактики.

– А кровь? – вкрадчиво спросил Бугаев.

– Кровь?...Гм. Нет, не проверял... А ведь интересная мысль!!! – вдруг оживился Ильин. – Растворенные в ней препараты, допустим. – Тут Кирилл Альбертович с минуту сыпал латинскими терминами. – Да! Такие вот штучки запросто могли... Кхе, кгм. Отличную вы подали идею, молодой человек!

Майор приятно порозовел.

– Придется задержаться на несколько часов. Всесторонний анализ, с учетом специфики означенных препаратов, займет немало времени, – подытожил Кирилл Альбертович, затушил сигарету о каблук, сунул окурочек в карман халата и деловито направился к столу с трупом.

– Мы будем вас охранять, – решительно заявил Бугаев. – Если тайна кроется в крови Гаврилова, то посланцы Синдиката непременно постараются выкрасть или уничтожить тело. Как те зомби летом. Не исключена открытая атака значительными силами. Терять-то им уже нечего! Но не беда. Займем круговую оборону, посадим снайперов на крышу... Короче, отобьемся! – связавшись по рации с членами группы, он отдал соответствующие распоряжения и обернулся ко мне: – А ты, Дмитрий, поезжай в лабораторию. Отвезешь вещи и оружие убийц, вещи потерпевшего. Нечего им тут валяться.

– Думаешь, сопрут? – усмехнулся я.

– Нет, но мало ли...

– Тогда и документы Гаврилова захвачу, – сказал я. – До кучи!

– Захватывай! – прищурился Николай. – Авось из них «карта смерти» вывалится, которую я, дурак, в упор не заметил... Да, между прочим! Сразу после лаборатории, зайди в нашу клинику, покажись врачу. По-моему, у тебя сотрясение мозга...

* * *

В оперативно-следственной суеде день пролетел незаметно. На город спустились декабрьские сумерки. Слегка приморозило, и с неба падали редкие, колющие снежинки. Слякоть на

дорогах постепенно превращалась в гололедицу. Поток машин на центральных улицах делался еще гуще, и потому водитель направил «Волгу» объездным путем, через какие-то глухие улочки и переулки. «У Кольки тараканы в башке бегают, а Альбертыч, видать, неудачно похмелился после вчерашнего, – сидя на заднем сиденье, думал я. – «Атака на морг», «круговая оборона», «растворенные в крови препараты»... Бред сивой кобылы! Если Гаврилова и напичкали каким-то чертовым зельем, то это не объясняет главного: постоянной осведомленности Синдиката о его местопребывании! Хотя, с другой стороны, мы не нашли ничего похожего на радиомаяк. Или плохо искали?! А может...»

– За нами «хвост», – прервал мои мысли прапорщик. – Минут пять уже. Будем отрываться или как?

Я посмотрел в заднее окно. Мы находились на узкой, безлюдной улице, слабо освещенной редкими фонарями. С одной ее стороны тянулся длинный дощатый забор законсервированной стройплощадки. С другой – громоздились угрюмые, серые здания с зарешеченными окнами, наверное, какое-то госучреждение. А позади нас, метрах в тридцати, нахально катил черный джип с тонированными стеклами.

– Проходные дворы поблизости есть? – спросил я.

Водитель молча кивнул.

– Тогда попробуй оторваться. Тачка у них не особо поворотливая и...

«...П-ш-ш-ш, п-ш-ш-ш, – зашипели пробитые пулями передние шины «Волги». Со звоном осыпалось лобовое стекло. По салону разлетелась омерзительная костно-кровяная каша. Фактически обезглавленный прапорщик навалился грудью на рулевую колонку. Судя по всему, стреляли не из джипа, а откуда-то спереди по ходу движения. Из бесшумного автоматического оружия. Между тем потерявшая управление «Волга» вильнула влево, снесла большой фрагмент забора, заехала на территорию стройплощадки и остановилась, уткнувшись капотом в заколоченный досками жилой вагончик. В следующее мгновение я вышиб ногой ближайшую дверь, вывалился наружу, проворно отполз как можно дальше, укрылся за грудой битого кирпича, вытер забрызганное кровью лицо, достал «ПСС» и осторожно выглянул. «Волга» мелко подпрыгивала и звенела металлом. Кто-то увлеченно дырявил ее бесшумными очередями. Судя по некоторым признакам, огонь велся теперь с двух сторон. С прежней, непонятной пока точки, и из остановившегося джипа. Так продолжалось минуты три. Наконец стрельба прекратилась. От газона в конце улицы отделился человек в маскхалате, с «валом» в руках, что-то сказал немного в сторону (очевидно, затаившемуся напарнику) и деловито зашагал к расстрелянной «Волге». Из джипа вылезли трое со «стечкиными», но никуда не пошли, а остались стоять на месте, настороженно озираясь по сторонам. Вероятно, намеревались мочить случайных свидетелей. Тип с «валом» шел не таясь, но оружие держал на изготовку и не снимал пальца со спускового крючка. «Этот самый опасный. Пули «вала» прошивают мой «броник», как фанеру», – тщательно прицеливаясь, подумал я и, когда он достиг края пролома, выстрелил ему в голову. Послышалось негромкое «П-ф-ф», и тип, лишившись части черепа, повалился на землю. Агонизируя, он вдавил спуск, но, по иронии судьбы, в падении развернулся так, что шелестящая очередь «вала» перебила ноги всем троим у джипа. Пустынная улица огласилась дикими, болезненными воплями. «А вот вам, Владимир Анатольевич, живые «языки». Целых три штуки!» – мысленно воскликнул я, радостно вскочил, взял раненных на мушку, готовясь дырявить им плечи, и вдруг краем глаза заметил совершенно забытого мной напарника на газоне. Вернее, напарников! Две фигуры в маскхалатах, широко расставив ноги, целились из гранатометов. Одна в джип, а другая, как показалось, прямо в меня. «Вспышка слева», – гаркнул в мозг голос сержанта Бунина, нещадно гонявшего в учебке вашего покорного слугу. По ввевшейся в кровь привычке, я мгновенно ткнулся носом в землю, водрузив ладони на затылок. «Бу-бу-у-ух! Бу-бу-у-ух!» – грянуло подряд два мощных взрыва. Выждав некоторое время, я осторожно осмотрелся, врагов в окрестностях не обнаружил и поднялся на ноги. Джип с

«Волгой» превратились в объятые пламенем груды металла. Вместе с ними погибли и потенциальные «языки», и собранные в больнице вещдоки. Я ощутил тупую боль в левом предплечье, характерную влажность в рукаве и зло выругался сквозь зубы. Еще осколком зацепило для полного счастья! Издалека нарастал вой милицейских сирен...

Глава IV

Рана на предплечье оказалась пустяковой, и, после перевязки, я на такси отправился к шефу, лично докладывать о случившемся. Предварительно я связался с ним по телефону, вкратце обрисовал обстановку, и он срочно выслал на место происшествия несколько оперативников во главе с Костей Сибирцевым. Невзирая на довольно поздний час (половина одиннадцатого вечера), в кабинете у полковника сидел Бугаев, зябко ежился, ежесекундно вздрагивал и трясущейся рукой писал объяснительную. Вернее, пытался написать. По кабинету, как тигр в клетке, расхаживал разъяренный Рябов и клял своего заместителя на чем свет стоит.

– Идиот!!! Дебил!!! Тупица!!! – рычал он. – Круговую оборону морга организовал, снайперов на крышу посадил... При-ду-рок!!! И каков результат твоих усилий?! Ноль!!! В крови Гаврилова ни фига не обнаружили, похитить труп никто не пытался... А пока вы там дурью маялись, на наших сотрудников совершено нападение. Один убит, второй ранен, вещественные доказательства уничтожены. И все по твоей милости, долдон!!! Ты должен был дать Корсакову надежную охрану, всю твою группу с ним послать, а ты, недоумок, предпочел в бирюльки играть! Героя Брестской крепости из себя корчил! Ну, Коля, теперь ты у меня попляшешь!!! Напишу докладную начальнику Управления – он с тебя погоны, на хрен, сорвет! В «топтунах» сгноит...

– Извините, Владимир Анатольевич, но Вы сейчас не вполне объективны, – счел нужным вмешаться я. – Никто и предположить не мог, что на машину с вещдоками нападут, а значит, сопровождать ее всей толпой было просто глупо! К сожалению, тактическое преимущество на стороне наших врагов. Они постоянно опережают нас минимум на один ход, а мы... мы как ежик в тумане! Синдикат каким-то таинственным образом всегда точно знает о местонахождении нужных ему людей, но каким – понять невозможно! Поиски радиомаяков в вещах потерпевшего оказались безрезультатны. Правда, Порожняк, умирая, упомянул о неких «картах смерти», имеющих у каждой жертвы, однако мы даже не представляем, что это такое и как оно выглядит! Короче, ситуация – хуже не придумаешь! – я удрученно замолчал.

Некоторое время полковник пристально меня разглядывал, потом хрипло спросил:

– Когда именно прапорщик Неводин заметил слежку?!

– За пять минут до нападения.

– А раньше? Может, вас «вели» от самой больницы?! Потихоньку, эдак ненавязчиво!!!

– Не думаю, – покачал головой я. – Покойный являлся отличным специалистом в своем деле! Если бы нам подсели на «хвост» у больницы, он бы вычислил их сразу. На худой конец, через несколько минут! Мы же ехали спокойно без малого час. Вместе с тем подловили нас очень ловко, в удобнейшем для засады месте и фактически не оставили ни единого шанса. То, что мне удалось выжить, – настоящее чудо! А по логике развития тех событий, я должен был погибнуть там вместе с прапорщиком...

– Н-да-а-а, – немного поразмыслив, протянул Рябов. – И впрямь сплошной туман! Тыкаемся вслепую, как тот ежик, и... регулярно получаем по носу! Тем не менее, нельзя сидеть сложа руки. Будет еще хуже... Ну-с, господа офицеры, я готов выслушать ваши предложения, мнения, плодотворные идеи!

Хотя слова шефа адресовались вроде бы нам обоим, взгляд его снова уперся в злополучного заместителя. Николай мучительно покраснел и потупил глаза. Повисла неловкая пауза. На губах полковника появилась людоедская улыбка.

– Давайте опросим по новой трех вчерашних свидетелей! – стремясь разрядить обстановку, брякнул я. – Вдруг мы, или они что-то упустили из вида?

– Да неужели, – скептически прищурился начальник отдела.

– А кроме того, необходимо взять их под охрану, – нисколько не смутившись, продолжил я. – Синдикат свидетелей, мягко говоря, не любит. Уничтожает с ходу! Вы спросите, откуда ему известно о тех троих? Понятия не имею! Но мы уже успели убедиться в фантастической осведомленности этой чертовой организации! – тут я случайно задел раненным предплечьем о край стола, болезненно поморщился и, не спросив разрешения, закурил сигарету. А Рябов глубоко задумался, подперев ладонью подбородок. Гневные складки на лбу шефа постепенно разгладились. Лицо перестало быть ехидно-кровожадным и приобрело нормальное, слегка усталое выражение. Искоса наблюдавший за ним Бугаев облегченно вздохнул. Прошло секунд сорок-пятьдесят.

– В твоих словах есть рациональное зерно, – выдал наконец полковник. – Но коли так, отправляться к ним надо немедленно. Не дожидаясь утра. Иначе опять опоздаем!..

* * *

– Забралась в глухомань, дурында, – проворчал Бугаев и, сверившись с картой, свернул с Театральной улицы в Камышинский тупик.

– Долго еще? – любопытствовал я.

– Да нет, считай, приехали. Видишь в конце сквер?

Я утвердительно кивнул.

– Так вот где-то в середине должно стоять двухэтажное здание студии, в которой трудится наша девчонка. И надо же ей работать по ночам?! Как будто днем нельзя!

– Емельянова студентка, – заметил я. – Днем она учится...

После известного вам разговора в кабинете Рябова минуло немногим более часа. Утвердившись в мысли срочно взять под охрану вчерашних свидетелей, шеф позвонил по двум оставленным ими номерам. Мобильному – «блондинке» и стационарному – «тридцатилетнему». У «пенсионера» телефона не было. Художник оказался дома, а девушка на работе. Люда Емельянова, студентка Н-ского физико-технического института, подрабатывала по ночам помощником оператора в студии звукозаписи «Золотая труба». К ней-то и послали нас с Николаем. К «пенсионеру», Мохову Валерию Ивановичу, отрядили капитанов Михайлова и Горошко. А к художнику Макарову полковник отправился лично в сопровождении лейтенанта Шульгина. Я понимаю недоумение читателей, вызванное столь странным подбором телохранителей! Начальники уровня Рябова (да и Бугаева тоже) подобными мелочами не занимаются. А раненых сотрудников, пусть даже «легких», ФСБ на задания посылать не любит. Не из повышенного гуманизма, а из сугубо практических соображений. Вдруг сломается в неподходящий момент?

Но на сей раз такая расстановка сил объяснялась суровой необходимостью. Время позднее, дело очень спешное! Поэтому похватили тех, кто под руку подвернулся. А «дыру» в третьей паре полковнику пришлось затыкать собой. Разумеется, к утру всех нас заменят прапорщиками и лейтенантами на постоянной основе...

Доехав до конца тупика, Бугаев затормозил, но мотор глушить не стал.

– Туда-обратно, минутное дело, – начал пояснять он и внезапно осекся. За деревьями смутно просматривался силуэт кареты «Скорой помощи» с потушенными фарами.

– Ага, вот они, сволочи! – прошептал Николай, вытягивая пистолет. – Опять раньше нас поспели! Пошли, Дима. Ты слева, я справа...

Бесшумно, аки призраки, мы подкрались к машине. В кабине никого не было, но свежий табачный дух красноречиво свидетельствовал – водитель покинул свое место совсем недавно. В салоне – тоже пусто и... ни следа медицинского оборудования! Только брезентовые носилки да выключенный ноутбук с темным экраном.

– «Охотники» отправились за девчонкой, – рысцой направляясь в глубь сквера, резюмировал Бугаев. – Давай живее. Авось успеем!!!

– Может, запросим по рации подкрепление, – на бегу предложил я.

– Не ерунди, – отмахнулся Николай. – Их там не более четырех человек. Справим... р-х-х! – подавился фразой заместитель и рухнул в ближайшие кусты. А я, получив мощный удар в прикрытую бронезином грудь, отлетел в противоположную сторону.

«Теперь точно перелом... Стреляли, вероятно, из «стечкина» с глушителем... Короткой очередью», – пронеслось в затуманенном болью мозгу.

– Корсаков, если жив – не шевелись! – прошипел из кустов Бугаев. – Сейчас он попробует нас добить. Когда подойдет – завалим!

«А подойдет ли?!» – мысленно усомнился я, однако Николай оказался прав. Спустя секунд сорок послышались мягкие, крадущиеся шаги. Из-за деревьев показался долговязый человек в лыжном костюме, со стволом в правой руке.

– П-ф-ф... п-ф-ф, – выплюнули свинец наши «ПСС». Обе пули угодили долговязому в череп. Обезглавленный труп секунду постоял, раскачиваясь, и медленно осел на землю.

– Идентификации не подлежит, – поднявшись на ноги, шепотом произнес Бугаев. – Надо же, засаду выставили! Предусмотрительные ребята!!!

«На фига им тут засада?! – забирая у мертвеца «стечкин», подумал я. – Они же не могли знать о решении Рябова приставить к студентке охрану. Странно. Очень странно!»

– Идем, – прервал мои размышления Николай. – Время не терпит!

Задумчиво покачав головой, я зашагал вслед за слегка прихрамывающим Бугаевым. Бежать ни у него, ни у меня уже не получалось. Вскоре впереди показалось белое двухэтажное здание с неоновой вывеской «Золотая труба». В окнах горел свет. Входные двери были настежь распахнуты, а на пороге, в луже крови, лежало бездыханное тело охранника в темной униформе. Застывшая рука сжимала в кулаке резиновую дубинку. Судя по всему, посланцы Синдиката действовали здесь так же, как в реанимации, – кроваво и напролом. Дружно перекрестившись, мы рывком преодолели открытое, освещенное луной пространство (от края деревьев до здания) и, тяжело дыша, зашли внутрь. У подножия деревянной лестницы распростерся еще один охранник, с разможенным пулей лицом. Со второго этажа, из зала звукозаписи, доносились неразборчивые голоса и тупые удары по металлу. Осторожно поднявшись наверх, мы заглянули в открытую дверь. На небольшой, забрызганной кровью сцене скорчились трупы четырех музыкантов. Рядом валялась опрокинутая аппаратура и брошенные инструменты. В центре помещения виднелось еще два мертвых тела, мужское и женское. А в дальнем конце, под наведенными дулами «стечкиных», трое выживших раскачивали какую-то длинную, увесистую хреновину и размеренно долбили ею в железную дверь. За пленными присматривали двое «охотников» и подгоняли их злобным рыком: «Усерднее, мать вашу так!!! В темпе, блин!!! Не вытаскивайте оттуда девку, на салат пошинкуем!!! Шевелитесь, уроды!!! Кому, блин, сказано?!!»

Среди упомянутых «уродов» я опознал известного певуна, обычно патлатого, расхристанного и надменного. В своих песнях он воспевал вседозволенность и сильных, безжалостных личностей, не считающихся ни с какими нормами. Остальные же, в интерпретации рок-звезды, были «тварями дрожащими», законной добычей тех, которые «право имеют».

Сейчас, правда, перед лицом смерти, гордый певун сам превратился в вышеупомянутую тварь, да не просто дрожащую, а лихорадочно трясущуюся, обмочившую штаны и напроочь утратившую человеческий облик.

– Людка!!! Сука!!! Открывай!!! – в перерывах между ударами сопливо взвизгивал он. – Из-за тебя нас могут убить!!! Открывай, ведьма!!! Я жить хочу!!!

«Бери ближайшего к тебе. На снос. Второго возьму живым!» – жестами показал Николай. Я старательно прицелился.

– П-ф-ф. – Моя «мишень», выплеснув из виска фонтанчик крови, повалилась на бок.

– П-ф-ф... п-ф-ф. – «Клиент» Бугаева по очереди дернул плечами, попятился несколько шагов, споткнулся, плюхнулся на задницу и заорал дурниной.

– Всем сохранять спокойствие! ЭФЭСБЭ! – зайдя в зал, громко объявил Николай. – А ты, родимый, закрой ротик, – ласково обратился он к подранку. – Не шуми. Уши от тебя вянут!

– Уколи его промедолом. Допросим, – посоветовал я, обыскивая труп первого «охотника» и изымая у него включенный мобильник. – Интересно, с кем он связь поддерживал?!

– Разумно, – кивнул заместитель шефа, достал из кармана шприц-тюбик, умело сделал укол и приставил ствол к глазу «второго». – Ну-с, дорогуша, ты слышал вопрос!

– С водителем, – неохотно выдавил раненый. – Он вас засек... спрятался... оповестил нас...

– И вы отправили «длинного» в засаду. Правильно? – уточнил Бугаев.

– Да.

– Пи-пи-пи-пи, – ожил трофейный мобильник. На голубоватом экранчике появилось изображение конверта. Я нажал кнопку «ОК» и вслух прочел поступившую эсэмэску: «Племянник заболел. А вы здоровы? Немедленно ответьте! Приехали врачи».

– И как это понимать? – обернулся я к пленнику.

– «Врачи» – бригада ликвидаторов, – морщась от боли, пояснил он. – Идут сюда и уже обнаружили убитого в сквере. Хана, вам, ребята! Лучше добровольно сдайтесь.

– Твою мать! – ругнулся побледневший Николай и выдернул из-за пазухи рацию: – Первый! Первый! Я Второй. Как слышите? Прием!

– Первый на приеме, – отчетливо прозвучал в наступившей тишине голос Рябова. – Что там у вас?

– Мы в «Золотой трубе». Девчонка жива. Взяли «языка», но к ним подходит подкрепление. Срочно нужна помощь! – торопливо доложил Бугаев.

– Сколько сможете продержаться? – отрывисто спросил полковник.

Ответить Николай не успел. Зазвенело разбитое стекло, и в зал одно за другим влетели два металлических яйца. В ту же секунду я машинально припал к полу, широко разинув рот и обхватив голову руками.

– Ба-бах!!! Ба-бах!!! – оглушительно рванули эфэшки⁷. В воздухе пронесся металлический вихрь. Выждав секунду, я осторожно осмотрел зал. Взрывы наделали бед. Все трое заложников и «язык» погибли. Причем последнему осколок вспорол живот от паха до груди и в прямом смысле выпотрошил «охотника». Патлатой рок-звезде оторвало голову. Взрывная волна отбросила ее далеко от туловища и нанизала на обломок стояка от микрофона, словно на кол. Железная дверь, за которой пряталась Емельянова, заметно погнулась, но напор выдержала. Большинство ламп под потолком потухло. Однако штуки три каким-то чудом уцелели, и в помещении по-прежнему было достаточно светло.

– Контролируй лестницу! – услышал я голос Бугаева и увидел, как он, не пригибаясь, бежит к окну со «стечкиным» в правой руке и «ППС» в левой.

– Стой! – отчаянно крикнул я. – Ложись!!! Сперва... – Я хотел предупредить Николая, вероятно получившего контузию и плохо соображавшего, что в освещенном оконном проеме он будет отличной мишенью, что надо сперва погасить оставшиеся лампы, но... опоздал! Бесшумная очередь из «вала» попала ему в грудь и легко пробила титановый бронежилет четвертой степени защиты. Заместитель шефа упал на спину, захлебываясь кровью. Ползком преодолев разделявшее нас пространство, я зафиксировал отсутствие пульса, проглотил подступивший к горлу комок и бережно прикрыл ему веки. Затем я прицельными выстрелами

⁷ Эфэшка – граната «Ф-1».

разбил зловредные лампы, забрал у Николая оружие, змеей метнулся к дверям и залег там, горько сожалея об отсутствии у меня гранат...

* * *

– Грудная клетка цела, хотя гематома ужасная. Обе раны пустяковые. Царапины, можно сказать. Контузия, похоже, легкая. Грубых изменений в полости черепа не выявлено⁸. И тем не менее состояние Дмитрия внушает мне серьезные опасения! Налицо сильнейший нервный срыв! Парню нужно отдохнуть недели две, сменить обстановку, пообщаться с психотерапевтом. Иначе наступят необратимые последствия. – В голосе Ильина звучало неподдельное сочувствие.

– Вы уверены? – хрипло спросил Рябов.

– На сто процентов!!!

– Ох-хо-хо, – тяжело вздохнул полковник. – А ведь не человек был, кремь! Но за минувший год на его долю выпало слишком много испытаний. Только в январе умирал два раза! В прямом смысле слова (См. «Изгой»). Да и потом... – шеф замолчал, снова вздохнул и попытался грустным тоном: – После клиники отправим майора в загородный санаторий. Вместе с девочкой-свидетельницей. Та вовсе на грани сумасшествия...

Освобожденный от бронежилета и верхней одежды, умытый, перевязанный, напичканный какими-то лекарствами, подсоединенный к капельнице и заботливо прикрытый одеялом, я лежал на носилках в карете «Скорой помощи» (не той, синдикатской, а настоящей, из клиники ФСБ). Машина мягко неслась по ночному городу. В изголовье у меня сидели Рябов с Ильиным и, думая, что я сплю, не таясь обсуждали мое состояние. С момента гибели Бугаева прошло около полутора часов. Или больше?.. Или меньше?! Не могу сказать с уверенностью. Едва я занял позицию у дверей, ликвидаторы метнули в зал еще три эфэшки. Вопреки теории вероятности я остался жив и почти цел. Мне всего лишь рассекло осколком кожу на темени. (Это и есть вторая «рана», о которой упомянул Ильин.) Но вот ударная волна... Гм! Если предыдущие взрывы я почему-то перенес благополучно, то теперь сознание затуманилось, зрение померкло, а окружающее я стал воспринимать как-то урывками. Помню темные фигуры ликвидаторов, поднимающихся по лестнице... Их я уложил очередями из «стечкина». Одного точно насмерть, в голову попал. А второго вроде бы нет. По крайней мере, он заорал, падая: «Осторожно, там засада!» Или заорал не он... Впрочем, шут с ним! Какая разница! Оставшиеся залегли и открыли ожесточенный огонь по окнам и дверному проему. Но гранат у них больше не было, и я сумел продержаться до прибытия спецназа. Ребята из группы «Омега» появились внезапно, словно из-под земли (а может, с вертушки прыгнули), и в считанные секунды зачистили проклятых ликвидаторов. Шестерых по нулевому варианту, одного взяли в плен, а двое, оказывается, уже были мертвы. Это я узнал потом, от Рябова, когда, выйдя из небытия, обнаружил, что лежу на носилках, снаружи здания, а надо мной хлопочет Ильин с засученными рукавами. По должности он судмедэксперт, но в принципе мастер на все руки, и вообще – врач высочайшей квалификации! Хоть академика присваивай!!! Однако на сей раз, Вы не правы, Кирилл Альбертович!!! В корне не правы! Нет у меня нервного срыва. Просто оглушило малость. А Вы, уважаемый, снова облапошились. Как с мифическими препаратами в крови Гаврилова. Пить надо меньше, дорогой доктор! Алкоголь разрушает клетки головного мозга и ведет к де... Деградации личности. Так-то!!!

– Слышите, полковник, у него бред начался! (голос Ильина. Господи! Неужели я думал вслух? Вот неудобняк!)

– Да, похоже на то. И что же Вы предлагаете?

⁸ Судя по всему, Ильин успел произвести Корсакову УЗИ головного мозга при помощи портативного аппарата (М. – ЭХО).

– Давление в норме. Можно сделать реланиум в капельницу.

Послышалась деловитая возня. Затем, через короткий промежуток времени, мысли мои стали путаться, перед закрытыми глазами промелькнуло окровавленное лицо Бугаева, и я начал куда-то падать... падать... падать...

Глава V

Окрестности г. Н-ка.

Четыре дня спустя.

За окном, сотрясая стекла, бесновался злобный ветер. С утра в очередной раз похолодало, столбик термометра упал до минус десяти, и ветер яростно носил по окрестностям снежное крошево, садистски истязал бездомных людей и животных, норовил оборвать линии электропередач и т. д. и т. п. Короче – пакостил, как только мог. Но в мое обиталище пробраться ему не удавалось. Здесь было сухо и тепло. Застенчиво светил торшер в голубоватом абажуре. Уютно тикали настенные часы, показывающие начало восьмого вечера. Пощелкав пультом-«лентяйкой», я убедился, что ничего интересного сегодня не передают, выключил телевизор, повернулся на бок, взял с тумбочки сигареты и лениво закурил. Делать было абсолютно нечего. Лечебные процедуры давно закончились, ужин тоже, купаться в бассейне мешали повязки на голове и руке, а нормальных книг в местной библиотеке я не обнаружил. Оставалось тупо таращиться в потолок, либо просить у врача двойную порцию снотворного. Скучотища, в общем!!!

Вот уже сутки я, с Емельяновой, находился в профильном, невропатологическом санатории «Хвойный лес». Нас привезли сюда из клиники ФСБ прошлым вечером, сняли с обоих электроэнцефалограммы, кардиограммы, измерили давление, подвергли придирчивому допросу в кабинете психотерапевта и разместили в соседние палаты на первом этаже: меня в одноместную, свидетельницу в двухместную. Вместе с ней там поселилась секретарша Рябова Клавдия Богатырева: статная крутобёдрая особа лет тридцати, с карими глазами и умопомрачительными ресницами. Мастер спорта по дзюдо и по стендовой стрельбе. Ходит Клавдия походкой гренадера, носит под юбкой пистолет и смотрит на всех мужиков, как на потенциальные мишени. А меня к Людмиле вовсе не подпускает. Нет, не подумайте плохого! Она отнюдь не лесбиянка, напротив, очень знойная женщина! Но сейчас Клавдия «при исполнении», и у нее строгий приказ Рябова: «Оградить свидетельницу от возможного покушения и любых внешних раздражителей». В намерении убить подзащитную наша красавица меня, конечно, не подозревает, зато считает раздражителем номер один.

– Не обижайся, Дима, но ты ассоциируешься у девочки с той кровавой бойней в студии, и общаться вам нельзя! – решительно заявила Богатырева вчера утром, еще в клинике.

– Да на фига она мне сдалась?!! – страстно прошептал я в ответ. – Рядом с тобой эту соплячку даже не заметно. Вот ты, солнышко, другое дело!!! Может, поохраняешь меня по ночам?!

От данного предложения Клавдия отказалась, сославшись на пункт второй приказа шефа: «Не оставлять свидетельницу ни на минуту». Однако заметно подобрела. Кокетливо улыбнулась и в виде компенсации за отказ охотно исполнила две маленькие просьбы: 1. Смоглась ко мне на квартиру и привезла оттуда запасной «ПСС» и боевой нож. 2. Рассказала последние новости по делу «Унесенных ветром», которых я был напрочь лишен, валяясь на больничной койке под бдительным присмотром доктора Королева (старого приятеля Кирилла Альбертовича). Новости отличались полнотой и достоверностью, но оптимизма не внушали.

Все «охотники» и ликвидаторы, которых удалось опознать, официально числились умершими год или полтора назад. Более того, ни у кого из них не осталось живых родственников в Н-ске. Их смерть мнимая, или реальная, наступила вскоре после первоначальной «кончины» основных фигурантов. Отдаленную родню некоторых убийц удалось отыскать лишь в самых глухих уголках России. Но те люди (допрошенные с применением психотропных препаратов) совершенно ничего не знали. Правда, одного ликвидатора, как вы помните, «омеговцы» захватили живым. Будучи уколот пентоналом, он добросовестно сдал Куратора их группы – неко-

его Козловского Эдуарда Семеновича (очевидно, это о нем говорил умирающий Порожняк) и даже припомнил номер мобильного телефона. Куратора быстро выследили, хотели арестовать, но когда за ним приехали, Козловский был уже мертв. Аналогичная картина наблюдалась и на улице Алябьева. Спешно отправленные туда оперативники обнаружили на подкладе кучу свежих трупов (руководства и рядовых работников). А также издевательскую надпись краской на мониторе испорченного компьютера: «Поздравляем! Вы, как всегда, вовремя!»

Столь молниеносная реакция Синдиката (особенно во втором случае) могла объясняться, по мнению Рябова, только предательством внутри Конторы! Теперь насчет свидетелей попытки похищения Гаврилова. Тут сложилась весьма странная ситуация! Людмилу Емельянову Синдикат пытался уничтожить, не считаясь с потерями. Валерий Иванович Мохов бесследно исчез еще до прибытия наших сотрудников. А вот на художника Макарова ни разу никто не покушался! Хотя именно он являлся наиболее ценным свидетелем. Нарисованные им портреты четырех охотников за людьми стали первой реальной зацепкой в деле «Унесенных ветром». (Между тем как «Блондинка» и «Пенсионер» дали второстепенные, малозначимые показания.) Получалось, что Синдикат яростно гробит «пешек», а «ферзя» почему-то не трогает. Ну, разве не дурдом?!!

Послышался легкий стук в дверь.

– Открыто, – лениво отозвался я.

В палату вошла Клавдия в коротком халатике, зазывно качнула бедрами, положила на тумбочку кобуру с пистолетом и, не дожидаясь приглашения, присела на край кровати.

– Ты чего? – удивился я.

– М-р-р!

– А как же свидетельница, которую нельзя ни на минуту...

– К ней муж приехал. Тоже студент, – с улыбкой перебила Богатырева. – Ну а дальше... Гм! Мы ведь не имеем права вмешиваться в интимную жизнь граждан! Короче, по просьбе Людмилы я заперла их на ключ до утра. А сама решила тебя «поохранять», как ты вчера просил. Или уже передумал?! – длинные ресницы обиженно затрепетали.

– Ар-р-р!!! – плотоядно зарычал я, сдирая с нее халатик...

* * *

Я был мертв и лежал в цинковом гробу посреди обугленных развалин одного из грозненских заводов, который мы брали штурмом в январе 1995 года. Вокруг толпилось множество хмурых людей в штатском с цветами в руках. Играла траурная музыка. А рядом с гробом стоял командир взвода лейтенант Серебряков (погибший в конце войны от пули снайпера) и гневно орал: «Ты идиот, Корсаков! Непроходимый тупица! Учили тебя, учили, да без толку! Это ж надо додуматься: обменял автомат на кулек карамелек, слоупал их, запил водкой и завалился спать на минном поле. Кретин! Мы тебя потом три дня по кусочкам собирали. Хотя знаешь, Корсаков, такого дерьмового бойца, как ты, и не жаль вовсе!!!»

Я попробовал возразить лейтенанту, что не менял автомат на карамельки, и он на самом деле подо мной в гробу спрятан, однако взводный не желал выслушивать никаких оправданий и продолжал сыпать обидными ругательствами. Неожиданно от толпы отделилась светловолосая девушка со смутно знакомым лицом и бросила мне на грудь букет ярко-красных гвоздик. Я открыл рот, собираясь поблагодарить ее за участие, но не успел. Гвоздики вдруг превратились в ядовитых змей и принялись больно жалить меня в темя. А в дальнем углу, прямо из воздуха возник бородатый чеченский пулеметчик, злобно оскалился и навел дуло «ПКМ»⁹ в спины ничего не подозревающим людям.

⁹ Пулемет Калашникова модернизированный.

– Тревога!!! Ложись!!! – отчаянно захрипел я и... проснулся.

Сквозь прозрачные тюлевые занавески в палату проникал бледный свет луны. Ветер-дебошир уже стих, и в наступившей тишине были слышны слабые, сдавленные звуки, доносившиеся из номера за стеной. Где расположились Людмила с мужем. Но они совсем не походили на любовную возню! Скорее...

– Клава, проснись! – достав из-под подушки пистолет с ножом и начиная торопливо одеваться, шепнул я.

– Хватит, Дима. У меня уж сил нет, – сонно пробормотала Богатырева, отворачиваясь к стене.

– Подъем, дура! У нас «гости»! – разозлился я. – Вернее, у твоей подзащитной!

– Что-о-о?! – грациозным прыжком тигрицы она мгновенно очутилась на ногах и ловко сцапала свою кобуру. Ее пышные волосы разметались по спине. Высокая грудь бурно вздымалась, а в красивых глазах читалось жгучее желание кого-нибудь пристрелить.

– Тише, тише, – урезонил я боевую подругу. – Не шуми, халат набрось, сними оружие с предохранителя...

– Как они туда проникли? – одними губами спросила Клавдия.

– Пес их знает, – пожал плечами я. – После разберемся. В общем, так, я войду к Емельяновым через лоджию, ты – контролируй коридор. Только поосторожнее, не высывайся.

– Но...

– Приказы не обсуждаются, капитан! – свирепо прошипел я. – Выполнять! И смотри у меня, без самостоятельности! – с этими словами я отодвинул щеколду и на цыпочках вышел в ночной холод. Стекло на соседней двери зияло ровно вырезанным квадратом, а сама дверь была немного приоткрыта. Изнутри доносились уже знакомые мне звуки. Теперь гораздо более громкие. «Ворота и вход в жилой корпус под усиленной охраной. А они – леском, через забор. Стекло – аккуратно резакom. Те голубки небось и не услышали спросонья», – подумал я, бесшумно перешагнув невысокую перегородку и заглянул в палату. Людмила с мужем (пухлым мальчишкой лет двадцати) лежали голышом поперек кровати: со связанными руками, с заклеенными скотчем ртами и жалобно мычали. От них исходили чуть ли не физически ощутимые, волны дикого ужаса. Напротив, спиной ко мне, стояли три мужика с пистолетами в руках и возбужденно перешептывались. Внимательно прислушавшись, я разобрал фрагменты разговора: «...все, рассказал. Мочим и сваливаем. Петли я приготовил!.. Погодь, смотри какая сладень... Ага, и пацана заодно... чем добру пропадать?! Ладно, уболтали, ставь обоих ра... А ты будешь?...рту пристроюсь. Гы!»

Все трое сунули стволы за пазухи и принялись деловито расстегивать штаны.

«Сексу захотелось?! Ну-ну!» – недобро усмехнулся я, стремительно вломился в палату и с ходу полоснул ножом ближайшего насильника. Он безмолвно рухнул на пол, заливая светлый палас кровью из перерезанного горла.

– Бац! – получил второй в висок рукояткой пистолета. А третьего я решил взять живым и мощно саданул ему коленом в копчик, намереваясь просто сбить с ног, но... малость не рассчитал. Хмырь оказался слишком тощим (килограммов на тридцать легче меня). Со спущенными штанами он пролетел через всю комнату, вышиб лбом запертую дверь, вывалился наружу и... «П-ф-ф», – услышал я характерный хлопок, а затем вязкий удар о линолеум. «Живые так не падают», – с неудовольствием подумал я, выходя в коридор вслед за ним. Третий лежал на полу, неестественно вывернув шею. Конечности у него конвульсивно дергались. Голова оплывала кровью. Неподалеку стояла Клавдия с «ПСС» в опущенной руке.

– Я целила в плечо, – виновато пролепетала она. – Честное слово... в плечо!!!

* * *

Там же.

Часом позже.

- Полно, Максим, не волнуйся! Все твои беды позади. Постарайся успокоиться.
- П-посс-стараюсь...
- Значит, ты говоришь, один из них ехал с тобой в электричке?!
- Д-да... т-тощий. Я х-хорошо з-запомнил э-т-того т-типа...
- А раньше тебе доводилось его встречать?
- Н-нет, н-никогда н-не в-видел...
- Ты уверен?
- Д-да...
- На, выпей. Легче будет. – Я наполнил стакан холодной водой, щедро накапал туда вале-
рьянки и протянул студенту.
- С-с-с-спасибо!

Руки у мальчишки тряслись, зубы лязгали о стекло, и, судя по всему, он был близок к истерике...

Ночное вторжение посланцев Синдиката не прошло даром для супругов Емельяновых. А Людмила, кажется, и вовсе перешагнула ту грань, на которой находилась после трагедии в «Золотой трубе». Освобожденная от скотча и веревок, она не двинулась с места, не попыталась надеть предложенный халат и продолжала безвольно лежать поперек постели, свесив ноги на пол. Девушка не отвечала на вопросы и никак не реагировала на окружающее. На постаревшем и осунувшемся лице застыло выражение безумного страха. Обнаженное тело лоснилось от обильного, нездорового пота. Я на руках отнес ее в свою комнату, уложил на кровать и накрыл простыней. Потом затащил труп третьего в палату Емельяновых и послал Клавдию за здешним психотерапевтом, госпожой Тимохиной.

– Глубокий психогенный ступор, – дрожащим голосом констатировала она (в лужу крови в коридоре наступила, бедняга). – Реакция на внезапно обрушившиеся травмирующие события. Необходима срочная госпитализация!

Поставив диагноз, психотерапевт слабо ойкнула, пошатнулась и выказала намерение грохнуться в обморок. Оставив обеих женщин под присмотром Клавдии, я связался по телефону с Рябовым, доложил обстановку, отвел Людмилиного мужа в пустующий кабинет Тимохиной и, не дожидаясь прибытия оперативно-следственной группы, приступил к вышеуказанной беседе...

– А теперь, Максим, пожалуйста, припомни, о чем конкретно они говорили с тобой до моего появления?

- В-вы м-меня п-през-зираете?!!
- Боже упаси! С какой стати?
- Я... я ж-жутко б-боялся з-за Л-люду... п-просил н-не т-трогать ее. А в-вас об-боих с-сдал! С-сказал: «В-возьмите л-лучше эф... эфэс...бэшников. Он-ни с-спят в с-соседней к-комнате. А н-нас... н-нас не н-надо!!!»
- Ну, это мелочи. Не стоит переживать.
- П-правда?
- Разумеется. И так?!
- В-вы... х-хотите... у-узн-нать...
- О ночных «гостях». О чем еще они говорили?

– Ах да! О-н-ни с-смеялись надо мной! Н-назы-вали д-дураком, к-который с-сам п-привез ж-жене к-карту с-смерти!

– Что-о-о?!!

– К-карту с-смерти. Я т-точно п-помню...

– Гм! И как она выглядит?

– Н-не з-знаю...

– Так, ладно. А что ты вообще привез?!

– Т-только д-документы. М-н-не их в-вчера в-вашей к-клинике в-вернули. В-вместе с-с в-вещами. Он-ни в Людиной с-сумке, на с-столе, п-перед в-вами...

– Можно посмотреть?

– Д-да...

Пошарив рукой в кокетливой дамской сумочке, я вынул оттуда целлофановый пакетик, в котором лежали: паспорт, студенческий билет, зачетная книжка и ярко раскрашенный прямоугольный кусок пластика.

– Это все?!

– Д-да...

– Блин! Ничего не пони... – с досадой начал я и вдруг осекся.

«Социальная карта» – было написано в верхнем левом углу прямоугольника. «Карта учащегося» – в центре. (Чуть ниже шестнадцатизначный номер.) «Visa Electron» – в нижнем правом.

«... Карта... карта... «Visa Electron». Данный фирменный знак во всем мире означает пластиковую карту. А еще слово «Visa» можно перевести как «разрешение»... Карта смерти?! Разрешение на убийство?!!

О Господи!!! Стоп. Не будем делать скоропалительных выводов. Надо сперва разобраться, что представляет собой эта хреновина и как она функционирует. Однако совпадений слишком много!!!»

– Вы сильно побледнели. Вам плохо? – почти нормальным голосом спросил Емельянов.

– Да нет, просто устал, – выключив диктофон, пробормотал я. – Знаешь, парень, ты иди. Приляг где-нибудь в свободной палате. Мне нужно побыть одному...

Глава VI

Два дня спустя.

«... „Социальная карта жителя Н-ска» представляет собой пластиковую карту с магнитной полосой и встроенным бесконтактным чипом (микросхемой). Она совмещает функции расчетно-банковской и идентификационной карты и предназначена для обслуживания льготных категорий граждан в предприятиях потребительского рынка и услуг, в лечебно-профилактических учреждениях, для обеспечения льготного проезда в метрополитене и на Н-ской железной дороге. «Социальная карта жителя Н-ска» фиксирует право льготника на приобретение (получение) товаров и услуг по льготным ценам (со скидкой), а также право пользоваться установленными для данной категории лиц льготами на транспорте... При посещении поликлиники, владельцу карты не нужно иметь при себе полис обязательного медицинского страхования, поскольку все данные его медицинского полиса закодированы в микрочипе... Получить „Социальную карту» может любой житель Н-ска, имеющий льготы, предоставляемые правительством Н-ска (льготный проезд в общественном транспорте, дотации, субсидии и т. д.). Пенсионеры и другие льготные категории граждан, состоящие на учете в районном управлении социальной защиты населения (РУСЗН), получают „Социальную карту жителя Н-ска» по месту получения пенсии (городских выплат). Для получения карты необходимо предъявить ответственному сотруднику РУСЗН паспорт и заполнить анкету-заявку на выпуск «Социальной карты». Вся процедура оформления занимает не более пяти минут. Через десять рабочих дней необходимо получить изготовленную карту в том же самом РУСЗН. Для получения пенсии с использованием карты вам достаточно заполнить в РУСЗН соответствующее заявление... Магнитная полоса на карте позволяет получать наличные денежные средства в банкоматах и пунктах выдачи наличных, а также оплачивать товары и услуги в торгово-сервисных предприятиях. Для осуществления финансовых расчетов с использованием „Социальной карты жителя Н-ска» в ОАО „Банк Меркурий» открывается специальный счет на имя держателя карты, на который могут переводиться денежные средства, в том числе предусмотренные программой обслуживания льготных категорий граждан... Студенты и учащиеся заполняют анкеты-заявки в учебном заведении, заверяют их печатью учебного заведения и сдают в специальные кассы метрополитена... Через десять рабочих дней карту можно получить в той же кассе метрополитена, в которую сдавалась анкета-заявка. Если вы получаете стипендию, вы можете написать заявление руководству учебного заведения о перечислении стипендии на „Социальную карту жителя Н-ска». Кроме того, вы можете внести на карту дополнительные денежные средства наличным или безналичным путем. Тогда вы получите возможность оплачивать в России и за рубежом или снимать наличные в банкоматах в любое удобное для вас время... «Социальная карта жителя Н-ска» выдается бесплатно...»

– Ну и?! – отложив в сторону рекламную брошюру, прищурился Рябов.

– Это и есть пресловутая «карта смерти», – уверенно заявил я.

– Обоснуй!!!

– В микрочипе содержатся подробнейшие сведения о владельце карты, его общественном положении, состоянии здоровья и прочем. Я ознакомился с бланком анкеты-заявления. Это форменный допрос! По известной нам схеме(См. «Атака из Зазеркалья» и «Технология зла»), означенная информация передается в базу данных Синдиката, а там уже решают, что делать с конкретным человеком, как именно его использовать. Допустим, молодых и здоровых можно пустить на трансплантаты, на стариках – проводить медицинские опыты и т. д. Таким образом, в обмен на грошовые льготы человек автоматически превращается в потенциальную жертву.

Когда до него доберутся – лишь вопрос времени! Поскольку карта «льготная» – обладатель вынужден повсюду таскать её с собой. А микрочип издает постоянный радиосигнал, ориентируясь по которому «охотники» без труда находят «дичь». Чип и является «маячком», который мы безуспешно искали в вещах Гаврилова. У него, кстати, была при себе «Социальная карта жителя Н-ска». Так же как у студентки Емельяновой и пенсионера Мохова. Теперь понятно, почему эти двое сразу попали в оборот! Все «помеченные», полагаю, состоят под неусыпным контролем мощного компьютера, отслеживающего любые их передвижения. Во время происшествия на мосту компьютер зафиксировал – «номер такой-то и номер такой-то находились рядом с объектом похищения, а вслед за тем переместились в здание ФСБ, где пробыли достаточно долго». Стало быть, они свидетели, которых надо срочно уничтожить! В тот же день группы ликвидаторов отправились по сигналам их «маячков». Остальное вам известно. А у художника Макарова карты нет. Я специально проверил! Поэтому Синдикат и не догадывался о его существовании...

– Молодец! – похвалил полковник. – Коновалов в тебе не ошибся!

– ???!

– Виктор Иванович вышел из комы три дня назад, а вчера мы с ним подробно побеседовали, – с улыбкой пояснил шеф. – По мнению Компьютерщика, ты парень башковитый и должен был самостоятельно, без подсказок докопаться до сути проблемы. Я, признаться, немного засомневался, но сейчас вижу – он абсолютно прав! Впрочем, ладно, ближе к делу! Главный вопрос – причастно ли правительство Н-ска к сему безобразию?! Коновалов нашему мэру не особо симпатизирует. Однако считает, вовсе не обязательно, что господин Стожков сотрудничает с Синдикатом. Более того, он может и не подозревать о происходящем! А усердно внедряет пластиковые карты в городе, руководствуясь благими намерениями. Теми самыми, которыми дорога в ад вымощена! По словам Коновалова, наибольший интерес для нас представляет разработчик микрочипов. И вот почему: 1. Чип – программное микро устройство, которое вбирает, обрабатывает, хранит и передает информацию. Как именно он ее обрабатывает, известно только разработчику. 2. Завершив обработку, чип посылает импульс (сигнал), где суммированы его «труды», но полностью расшифровать импульс способен опять-таки один разработчик. Всем прочим участникам проекта достаются «огрызки». Так, например, компьютеры налоговой инспекции в состоянии разобрать лишь малую частицу сигнала, относящуюся непосредственно к их ведомству. То же относится к Социальному департаменту правительства Н-ска, ОАО «Банк Меркурий», Н-скому метрополитену и т. д.

А теперь смотри: исходя из криминальной сущности Синдиката, обработка информации в чипах должна быть весьма своеобразной, целиком подчиненной потребностям преступников. Ты упомянул о двух вероятных направлениях деятельности Синдиката. Я бы добавил еще одно – сотрудничество с иностранными спецслужбами! Недаром же среди «Унесенных ветром» есть высокопоставленные офицеры Генерального штаба! Если это так, то мы можем приблизительно представить основной принцип вышеуказанной обработки. Людей (вернее их личные номера) изначально делят на группы – для трансплантации, для медицинских опытов, для передачи вражеской резидентуре... Когда поступает конкретный заказ (на почку, на сердце, на подопытного, на крупного военного чина), оператор Синдиката обращается к базе данных, выуживает оттуда соответствующий номер и связывается с посредником. А тот дает команду «охотникам»... Тем временем ведомства, получающие «огрызки» сигналов, понятия не имеют, что творится у них за спиной и под их формальным патронажем. Затея с «Социальными картами» представляется им вполне безобидным мероприятием, жизненно важным для технического прогресса. Потому-то Коновалов и рекомендовал начать с разработчика! Ну а дальше, если мэр все-таки замешан, доберемся и до него...

– А мы знаем, с кого начинать? – спросил я.

– Знаем! – бодро кивнул Рябов. – Микрочипы для этих карт разработала и производит фирма «Мантрейя»: западная окраина города, улица Алексеевская, дом 66. Шикарный стекло-бетонный особнячок в шесть этажей. По имеющимся сведениям, производство располагается там же, в подвальных помещениях.

– Давайте взорвем на фиг, – полушутя, полусерьезно предложил я.

– Не торопись, – странновато глянул на меня начальник отдела. – Сперва потихоньку возьмем «языка», основательно расспросим. А затем... Гм! Посмотрим по обстоятельствам... Братъ будем первого зама гендиректора Сопункова Василия Адамовича. Уж он-то, думаю, особа информированная. Сам гендиректор (гражданин США Клод Ланцман), к сожалению, недоступен. Гостит, собака, у родственников в Израиле, а когда вернется – неизвестно. И еще операцию надо осуществить в кратчайшие сроки, малыми силами и в строжайшем секрете. В Конторе снова завелись предатели!

– Малыми силами – это как? – поинтересовался я.

– Вдвоем! – отрезал полковник. – Ты и... и Костя Сибирцев. Справитесь?!

– Ну разумеется, – вздохнул я. – Нам не привыкать...

* * *

Три дня спустя.

г. Н-ск. 18 час. 45 мин.

Черный джип стоял на обочине улицы Силикатная (примерно в километре от Алексеевской), скромно пристроившись в хвосте запертого, припудренного снегом фургона. Прямо по курсу, метрах в двадцати, располагался хлипкий павильончик со светящейся вывеской: «Кафе Нектар». Периодически, когда открывалась дверь, оттуда доносились обрывки магнитофонной музыки и пьяные, разухабистые голоса. Иногда наружу выползали посетители и бурно выясняли отношения (с рыком, с матом, вплоть до мордобоя). Но на нас никто из них внимания не обращал. Я сидел на водительском кресле и без удовольствия дымил сигаретой, нетерпеливо поглядывая на часы. На заднем сиденье, осунувшийся от недосыпа, майор Сибирцев внимательно наблюдал за красной точкой на экране небольшого прибора. Рабочий день в «Мантрейе» закончился сорок пять минут назад, но точка до сих пор не двигалась. Не торопится домой, трудоголик хренов! Или инстинктивно чувствует неладное, не хочет спешить на встречу с судьбой? Впрочем, ладно, куда он на фиг денется!..

Операция по захвату Сопункова близилась к логическому завершению. Информации о сем господине (частично предоставленной Рябовым, частично собранной нами с Костей) уже хватало с избытком. Заместитель генерального директора фирмы «Мантрейя» проживал за городом, в собственном особняке, оборудованном всеми мыслимыми и немыслимыми средствами электронной защиты. Отправлялся на работу ровно в восемь утра. Возвращался в семь вечера. (Вот только сегодня задерживался.) В особняке постоянно дежурили пять вооруженных до зубов головорезов. Еще семеро охраняли дом № 66 по улице Алексеевская. А трое – сопровождали драгоценную персону Василия Адамовича. И, что самое интересное, все они были чеченцами! (Из тейпов Набиевых и Мусаевых.) Данное обстоятельство выяснилось к исходу второго дня наружного наблюдения, которое мы с Сибирцевым вели вдвоем, меняя друг друга каждые четыре часа. Как выяснилось? Рассказывать долго и неинтересно. Зато полученный результат мог устранить большинство «технических» проблем, если нам понадобится уничтожить «Мантрейю». Но об этом позже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.